Лес как-то внезапно закончился, по сторонам дороги раскинулись поля — убранные, чернеющие голой землёй. И засаженные вполне обычной капустой. Я мог поклясться, что вижу вдалеке картофельную ботву и грядки свёклы, не какие-то инопланетные растения. Отсюда я мог видеть и цель нашего путешествия, поднимающийся на своего рода пологий холм двойной ряд домов с соломенными крышами. Над крышами, на самом верху холма, высился белый шпиль церкви. Ну, это я так подумал, что это была церковь: вместо креста на макушке шпиля торчал невзрачный металлический шарик.

Рыжая Глинда слезла с рук Хильд, пройти весь путь самой у неё всё-таки не хватило сил. Девушка побежала к селу, помахав мне на прощание. Роза и Эйрин тоже спустились с носилок и побежали за Глиндой.

Мы же с Хильд и копейщиками прошли до самой церкви. Небольшая, квадратная в основании, она стояла на просторной площади, вымощенной крупным камнем. С площади в три стороны уходили прямые улицы с подворьями по обоим сторонам. На четвёртой стороне, за крепким частоколом с массивными бревенчатыми воротами, высился двухэтажный дом. К нему мы и подошли.

— Ладно, парни, отдыхайте, — махнула копейщикам Хильд. Обернулась к стянувшимся со всего села мужчинам, женщинам и детям.

— Радуйтесь! Свет был на нашей стороне! Роза, Эйрин и Глинда вернулись целыми и невредимыми. Спасти их помог вот этот славный человек...

Она глянула на меня и нахмурилась. Что не так? Мне бы, конечно присесть куда-нибудь, а не хвалебные речи слушать. А ещё лучше — прилечь.

— Где Марта? — спросила валькирия куда-то в толпу.

— Марта вас в доме дожидается с обеда, хозяйка, — поклонился один из бородатых мужиков, теребящий шапку в руках. — Тут это, погорельцев-то куда девать?

— Пускай в казарме пока живут. Вот умеешь ты, Марк, испортить торжественный момент. Ещё вопросы?

Больше вопросов не было, однако народ не торопился расходиться, несмотря на приказ и спрятавшееся за верхушки леса солнце. Люди возбуждённо гудели, обсуждая новости, на площадь сходилось всё больше и больше народа в льняных одеждах.

Калитка в воротах двухэтажного особняка приоткрылась, и из неё выскочила... Глинда? Я еле узнал её по рыжим космам да здоровенному фингалу на половину лица. Девушка успела переодеться в тёмно-синее платье с белым передником поверх, и нацепить на голову смешную шапочку на завязках.

— Добро пожаловать домой, хозяйка Хильд! — звонко прокричала она, перебивая нарастающий шум голосов на площади. — Банька скоро натопится, а ужин на столе!

Хильд схватила меня под руку и поволокла за собой в калитку. Как только мы оказались на небольшом дворе, зажатом воротами, сараем и основным зданием, с площади грохнул нестройный хор голосов:

— Ура хозяйке света Хильд!

И ещё раз, громче и слаженнее:

— Ура хозяйке света!

— Ура хозяйке!

Валькирия вздохнула.

— Ну, теперь долго не успокоятся. Игор! Игор!

— Здеся я, хозяйка.

Из сарая высунулся лохматый седой мужичок, в овечьей жилетке и меховом треухе.

— Выкати им бочонок вина. Пусть порадуются.

— Мы его на праздник урожая берегли, — проворчал Игор, однако поковылял к углу здания. Я заметил, что левую ногу ему заменяет деревянная палка.

— Обойдёмся пивом, — Хильд потащила меня дальше, к распахнутой двери в дом.

Мы поднялись на высокое крыльцо, прошли через тёмный, без окон, тамбур — и попали в просторный зал, освещённый редкими свечами на длинном столе. Хотя закатное синее небо с оранжевыми облаками справлялось с освещением лучше: четыре окна в толстой каменной стене были достаточно большими.

Возле стола хлопотала Глинда — расставляла тарелки, раскладывала деревянные ложки. Аромат горячей ухи ударил мне в нос, как только я вошёл в зал. В животе заурчало, да так громко, что, наверное, за воротами был слышно. Хильд рассмеялась и подтолкнула меня мимо стола к незажжённому камину, возле которого стояли два массивных деревянных кресла.

— Не урчи, с голоду не помрёшь. Сейчас Марта тебя быстренько осмотрит, и поешь. Марта, у нас раненый!

Я остановился возле кресла, завертел головой в поисках этой «Марты». Но кроме Хильд, сбросившей треуголку на стол и с ворчанием избавляющейся от нагрудника, в зале никого не увидел. Даже Глинда убежала.

Куча тряпья в кресле рядом со мной зашевелилась, заставив меня вздрогнуть. Из тряпок высунулась сначала одна рука, затем вторая. Появились маленькие ножки. Вынырнула голова с пепельного цвета волосами. Сверкнули чёрные глаза на милом детском личике.

— Раздевайтесь, раненый, — и голос был под стать, тонкий и капризный.

Я ещё раз обернулся к Хильд, которая села на лавку и стаскивала сапоги.

— Вы что, ещё и глухой? Снимайте одежду.

Маленькая ручка Марты дёрнула меня за рукав с такой силой, что я чуть не упал.

— Лучше делай, что Марта говорит, — Хильд уже избавилась от обуви, и расстёгивала портупею с мечом, — иначе за последствия я не ручаюсь.

Я принялся расшнуровывать многочисленные завязки одежды. Стряхнув куртку с правого

плеча, я столкнулся с проблемой: пропитанная кровью ткань левого рукава присохла к коже. А при попытке оторвать окровавленную тряпку рука отзывалась острой болью.

— Ну что вы там возитесь, — Марта схватилась за мою куртку и резко дёрнула на себя.

Сказать, что было больно — не сказать ничего. С руки как будто кожу живьём содрали. Я заорал и упал на колени, схватившись правой рукой за локоть левой. Кровь из разрубленного предплечья тонкими струйками потекла на пол.

— Ну и чего так орать, — Марта отбросила ткань и воткнула палец в моё плечо. Боль утихла, левая рука будто перестала существовать. — Хильд, иди посвети, ничего не вижу.

— Посвети сама, — невнятно ответила Хильд с набитым ртом, — дай поесть, с утра ни крошки во рту.

— Я не могу светить и лечить одновременно! Глинда! Игор! Кто-нибудь, подержите свечку!

Из боковой двери выскочила рыжая девушка. Она схватила подсвечник со стола и подбежала к нам. Увидев, как с моей руки капает кровь, Глинда ойкнула и закусила пальцы свободной руки.

— Вот так держи. Ниже! Ну и чего тут лечить, Хильд? Само бы всё зажило. Кость не задета, сухожилия целы. Будет в следующий раз думать, прежде чем подставляться под острые предметы.

— Марта!

— Я уже тридцать лет Марта, — девочка двумя руками свела края порезов, пальцы её засветились изнутри алым. — Вот придёшь однажды с отрубленной головой, а силушка-то у Марты всё, закончилась. Растратили на мелкие порезы

Пальцы её потухли. Марта стряхнула мою кровь с пальцев и скомандовала Глинде:

— Воды принеси. И тряпок. А то натекло кровищи.

Глинда убежала, поставив свечу на стол рядом с нами. Я поднёс левую руку к глазам и увидел, что пореза больше не было, только узкая полоска шрама проглядывала через корку запёкшейся крови.

Чудеса, да и только. Сон этот явно становится приятнее.

Вернулась Глинда с тазиком. Марта вымыла руки и, пока рыжая протирала мне руку от крови, молча наблюдала за мной.

— Снимай штаны, — скомандовала она своим детским голоском, когда Глинда ушла.

— Хочу заметить, что под штанами у меня ничего нет, — сказал я, с завистью глядя, как Хильд уплетает за обе щёки вкуснейшую на вид кашу, запивая из большой деревянной кружки явно чем-то алкогольным.

— Тогда тем более надо взглянуть, — пепельноволосая девочка подняла руки, кончики её пальцев засветились тускло-красным. — Сам разденешься, или мне тебя самой раздевать?

За окном, с площади, громыхнул смех, раздались радостные крики. Я посмотрел на оттирающую кровь с пола Глинду, покосился на Хильд. Обнажаться перед всеми как-то не

хотелось.

— А есть вариант, где я не раздеваюсь?

— Неа.

Она протянула ко мне руки, и мне пришлось отпрыгнуть в сторону. А потом бегать вокруг стола, уворачиваясь от костерящей меня нехорошими словами девочки. И так до тех пор, пока на очередном витке валькирия не поставила мне подножку, из-за которой я растянулся на полу. На спину мне моментально запрыгнула Марта, коснувшись горячими пальцами затылка.

После чего спрыгнула с моей спины и завопила:

— Ты кого к нам домой привела, дура? Это же паладин!

Что ещё за паладин? Я подтянулся к лавке и еле забрался на неё. Беготня по залу окончательно выбила меня из сил.

— Да ты что? — равнодушно удивилась валькирия, допила остатки из кружки, грохнула ей по столу.

— И я ещё силы тратила, чтобы его вылечить! Да на нём всё и так бы зажило! У-у-у-у! Дурында!

Хильд отодвинулась от стола, сгребла визжащую Марту в охапку и гаркнула:

— Глинда, айда в баню! Игор! Игор, тьма тебя забери!

— Здеся я, — высунулся из боковой двери одноногий.

— Покорми гостя и спать уложи. Я чую, баню он не осилит.

И валькирия вышла из дома.

— Пожалте кушать, — Игор как-то внезапно оказался рядом со мной, подхватил под руку, — шас поснедаете, и баиньки. Во-от, садитеся сюда.

В руке у меня оказалась ложка, а перед моим носом — глиняная тарелка с ухой. Несмотря на то, что в животе уже давно кишка с кишкой пели песни, первую ложку я запихал в себя чуть ли не силой, настолько медленно текли мои мысли. Но как только в желудок потекла первая порция горячего, наваристого бульона — я ожил. И принялся работать ложкой, как Хильд недавно, прерываясь только на то, чтобы откусить от мягкого свежевыпеченного куска хлеба да запить его холодным, чуть кислым пивом.

Как только тарелка опустела, я понял, что вот прямо сейчас и усну. Но завалиться спать тут же на лавке мне не дал Игор, снова подхвативший меня под руку.

— Негоже, добрый человек, нам в общей зале спать. Пойдём-ка в хорошем месте устроимся. И-раз!

Одноногий с неожиданной силой поднял меня из-за стола и буквально вытащил из дома в темноту двора. За воротами отсвечивало зарево костра. Пахло сыростью. Лилась, ведомая десятками голосов, песня:

«Из-за острова на брежень, на простор морской волны

Выплывали боевые Александровы челны…»

Игор завёл меня в сарай — и я провалился в сладкое небытие.

В левый глаз уткнулся яркий луч. Все мои попытки отвернуться закончились неудачей — свет настойчиво тыкался мне в лицо, мешая спать. Я перевернулся на другой бок… и упал с лавки.

Вскочил, отбросил укрывавший меня половик, и обнаружил, что стою в тесном сарае, заполненном колотыми дровами до крыши. Сквозь щели в стенах пробивался солнечный свет, в котором искрились пылинки и розовело моё обнажённое тело. Опять я проснулся в чём мать родила, да что ж это такое.

Интересно, это тот же сон, или новый? Я осмотрелся. Моей одежды здесь не было, но на широкой и длинной лавке, с которой я упал, лежала льняная рубаха. Может, она для меня приготовлена? Я примерил — в плечах оказалась узковата, но зато по длине почти до колен. Ни штанов, ни обуви я не нашёл, так что пришлось покинуть сарай в таком наряде.

Я бы и не выходил наружу, завалился бы обратно на лавку. Тело ломило так, будто я вчера вагон с углём разгрузил в одиночку, но организм явно намекал на то, что пора в отхожее место. Выскочив во двор знакомого двухэтажного дома (значит, всё тот же сон, я же сплю, верно?), я наткнулся на Игора, идущего к распахнутым воротам.

— Где?

Одноногий понял мой вопрос правильно, и махнул ведром на угол дома:

— От тама домик шалашиком, не ошибёсся.

Замечательный всё-таки человек, этот Игор. Не обманул. Не то что давешний тамада с медальками: звал на свадьбу, а привёл на бойню.

Со спокойной душой выйдя из разделённого на две части отхожего места, я не спеша осмотрелся. На заднем дворе, который оказался гораздо просторнее того что перед домом, кроме «домика шалашиком» обнаружился ещё один, крытый глиняной черепицей. Видимо, та самая баня. А также утрамбованная площадка и навес, под которым были сложены деревянные палки и щиты. Посреди площадки торчали два бревна с перекладинами, к которым были приделаны щиты и деревянные мечи. Тренировочная площадка. И, судя по утрамбованной земле, выбоинам и вмятинам на «манекенах», использовалась она регулярно.

Из-за угла дома вышел Игор с вёдрами, полными воды.

— Доброго утречка, человек хороший! Сладко ли спалося? — одноногий улыбнулся во весь рот, демонстрируя прорехи в зубах. — Не желаете сполоснуться с утречка? Покудова банька тёплая.

Предложение было более чем уместное. После вчерашних приключений от меня, наверное, за версту несло кровью, потом и гарью. Последняя до сих пор забивала мне нос, из-за чего всё вокруг пахло одинаково.

Я прошёл вслед за одноногим в предбанник. Игор вылил воду в большую кадку в углу, отставил вёдра и шустро скинул с себя одежду.

— Раздевайся, мил человек, — он отстегнул протез и проскакал в низкую дверь бани. — Как

тебя звать-величать хоть?

— Александр, — я стянул с себя рубаху и, пригнувшись, прошёл за Игором.

— Александер, значится? Хорошее имя. Подходящще. Ложися на лавку.

— Да я и сам…

На меня обрушился ушат воды, прервав мои возражения. Игор дёрнул меня за руку, укладывая на живот, и принялся мять мне спину твёрдыми как камень пальцами.

— Ай! Ай-яй-яй!

— Чего ты пищишь словно девка? Щекотно что ли?

Да какое там щекотно. От боли в разминаемых мышцах у меня слёзы из глаз брызнули. А одноногий даже и не думал останавливаться, перейдя со спины на руки и ноги.

— Во, вот так-то получче будет, — довольно заключил он, дойдя до пяток. — Эко ты ноги стёр, надо тебе Марте показаться.

— Она вроде как меня невзлюбила.

— Да ты не обращай внимания, Александер, это она не со зла. Характер ейный, значится, такой. Так-то Марта добрая, всем помогает.

— Она сказала, что я паладин. А это кто вообще?

— А, ну это… — Игор замялся, — слушай, у тебя вон волосья на башке обгорели, давай-ка их обкорнаем?

Я пощупал рану на макушке. Шишка набухла приличная. А волосы там и правда спеклись в непонятную кудель.

— Давай.

— Вот и правильно!

Одноногий намылил мне голову и вытащил из-под печи, занимавшей половину бани, длинный тонкий кинжал.

— Не шевелися, а то порежу ненароком.

Говорить под руку Игору, скребущему острым ножом по моей голове, как-то не хотелось. Так что все вопросы пришлось оставить на потом. Впрочем, с волосами он управился в два счёта, заодно сбрив редкую щетину с моего лица.

— Эко ты ловко управляешься с ножом, — похвалил я Игора, сам не заметив как подстроился под его деревенскую речь.

— Ну так, — он хмыкнул и окатил меня ещё одним ушатом воды. — Я ж не всегда в прислугах работал. По молодости-то банщиком в самом Латоке был! Ко мне люди в очередь записывались, чтобы я их пропарил как следует. Так-то вот. Ну, Александер, теперь ты хоть в пир, хоть в мир! Полотенче там в предбаннике найдёшь, а я тут приберуся.

— Спасибо.

Обтеревшись и надев рубаху, я вышел во двор. Солнце по-доброму пригревало мою облысевшую макушку, прохладный ветерок доносил из дома сладкий запах свежевыпеченного хлеба. Из-за частокола орали петухи, журчала вода и стучали топоры. Размятые мышцы приятно гудели, и даже зуд заживающих язвочек во рту не мог испортить мне настроение. Благодать!

В животе заурчало. Я оглянулся на баню, но Игор выходить оттуда не торопился. Чтобы не искать самостоятельно приключений на свою голову, я решил дождаться одноногого здесь, во дворе. И заодно поглядеть поближе тренировочное поле.

Подойдя к навесу, я вытащил из плетёной корзины палку с отполированной от частого использования длинной ручкой. Взмахнул им, представляя, будто это меч. Получилось неожиданно ловко, словно я всю жизнь таким орудовал.

Подошёл к манекену, занёс над головой палку. Ноги сами шагнули, подавая всё тело вперёд. Плечи, руки и кисти плавным движением обрушили деревянный меч на торец бревна. Крак! В воздух полетели щепки, а я растерянно поднёс к глазам рукоять с обломком меча. Доигрался.

Откуда-то сверху раздался громкий хохот. Я задрал голову — из распахнутого окна второго этажа выглядывали две головы. Одна с русыми волосами, вторая с пепельными.

— Отличный удар! — крикнула русоволосая. Она высунулась из окна по пояс, зацепилась руками за карниз и вывалилась из окна. Мелькнули загорелые ноги, широкая полосатая юбка, белая рубаха. Тудум! Девушка приземлилась рядом со стеной, подняв тучу пыли.

— Хильд! — детский крик сверху утонул в звуке удара пяток валькирии об землю. — Я тебе сколько раз говорила не делать так! Переломаешь ноги — я тебя лечить не буду!

— Да я и сама справлюсь, — отмахнулась Хильд, выпрямляясь. На её лице я увидел странную ухмылку, словно она предвкушала развлечение. — Слабо повторить, герой?

Она прошла к навесу и вытащила из корзины ещё один деревянный меч. Бросила мне.

— Не жалко? — я поймал меч левой рукой, подкинул в воздухе. Точная копия сломанного мной.

— Игор ещё настрогает! Бей! — Хильд собрала распущенные волосы на затылке и подвязала их выдернутой из ворота рубахи верёвочкой.

Я с трудом заставил себя отвернуться от этого своеобразного декольте, в глубине которого упруго колыхались груди. «Кое-кто тут тоже без штанов,» — напомнил я себе, сосредоточившись на манекене.

Положив рукоять сломанного меча на землю, я перехватил новый меч двумя руками и ударил. Тум-крак! Жердь, на которой к манекену крепился щит, обвисла, сломанная пополам. На мече осталась небольшая вмятина.

— Бей ещё! — Хильд вытащила из корзины другой меч.

Тум-крак! Вторая жердь сломалась под моим ударом. Ладони неприятно заныли с отдачи.

— Силён, силён, — валькирия вышла на край площадки и подняла меч. В глазах её плескалось

радостное безумие, и улыбалась она так, что мне стало страшно. — Теперь попробуй попасть по мне!

— Хильд, нет! — Марта высунулась из окна и стукнула ладошкой по карнизу. — Я запрещаю! Я не буду лечить никого из вас!

— Давай!

Я посмотрел на Хильд. В этом её возгласе звучали надежда и… тоска? Да кто я такой, чтобы отказывать в просьбе гостеприимной хозяйке? Мой меч рассёк воздух там, где мгновение назад была нога Хильд. Краем глаза я заметил летящую мне в голову палку и зажмурился, принимая неизбежное.

«Я буду жить!»

Тело среагировало само, словно обладало собственной волей. Эта воля, непреклонная и сокрушающая, очень хотела убивать, и очень не хотела получать палкой по голове. Глаза открылись, мир покачнулся, деревяшка просвистела над моей лысой макушкой. Мой меч ударил точно ниже свиста, послышался неприятный хруст, через мгновение я врезался плечом в мягкое и упругое, отбрасывая от себя, следом тут же ударил ногой в твёрдое.

Вдох, выдох. Потряс головой, прогнал кровавый туман, осмотрелся. Вдох, выдох.

Меч Хильд валялся в нескольких метрах, возле бани. А сама она лежала передо мной, сжимая левой рукой разбитые пальцы правой. Из рассечённой брови, вяло пульсируя, текла кровь.

— Хи-и-и-ильд! — крик Марты заставил меня вздрогнуть и выпустить деревянный меч, с глухим стуком упавший на землю.

Выжил, называется. Что теперь делать? Простым извинением не отделаться, руку я ей основательно покалечил. Месяц в гипсе, и хорошо, если хоть что-то срастётся правильно.

— Извини, — я сделал шаг вперёд, — извини, я не хотел…

У них же есть гипс? Может, шину наложить, досками и бинтами? Я не медик, я обычный манагер, консультантов гоняю!

Девушка подняла голову, и я увидел не только слёзы и гримасу боли, но и… широченную улыбку.

Это же сон, правильно? Точно сон.

В реальной жизни с такими травмами не улыбаются!

http://tl.rulate.ru/book/96445/3299213